

Наталья Авина

Вильнюсский педагогический университет (Литва)

nataljaa@takas.lt

Речевая коммуникация при взаимодействии близкородственных языков: лингвистический аспект

Вводные замечания

Исследование проблем речевой коммуникации, ее сущности и форм проявления имеет начало в западной науке (напр., П. Грайс, Дж. Серль). Основной принцип коммуникации, названный П. Грайсом принципом кооперации, заключается в требовании делать вклад в речевое общение в соответствии с принятой целью и направлением коммуникации. Позже, в частности в российском языкознании, исследуются психологические и социальные характеристики общения, семантическая интерпретация коммуникативных актов, особенности речевого поведения и сознания коммуникантов (напр., Н. И. Жинкин, А. А. Леонтьев, Н. Д. Арутюнова, Т. Г. Винокур, Н. И. Формановская). Речевое общение понимается как целенаправленная активность говорящих, позволяющая им организовать сотрудничество (Леонтьев, 1977).

Особый интерес представляет речевая коммуникация в ситуации языкового контактирования. Коммуникативно-прагматические, психологические, ментальные, когнитивные и другие особенности билингвизма и полилингвизма приводят к изменениям в речевой практике говорящих, выработыванию новых коммуникативных установок.

Известно, что для характера речевого общения при языковом взаимодействии безразлично, являются ли используемые в поликультурной среде языки генетически близкородственными или нет. В ситуации взаимодействия близкородственных языков речевая деятельность является специфической. Этой проблеме посвящается целый ряд работ; в частности, рассматриваются вопросы взаимодействия русского, белорусского, украинского языков (см.: Функционирование русского языка, 1981; Языковые ситуации, 1989; Борисенко, 1990; Кононенко, 1990; Лукашанец,

1990; Крысин, 2000 и др.). Предметом анализа становятся языковые особенности различных уровней, возникающие проблемы культуры речи, специфика языка художественной литературы и т.д. (см.: Русский язык в Белоруссии, 1985 и др.). В подобных исследованиях выявляется общая особенность: генетическая близость языков обуславливает более интенсивную и глубокую интерференцию, нежели в случае генетической отдаленности языков. Исследователи приходят к следующим общетеоретическим выводам:

– в условиях взаимодействия близкородственных языков естественным становится сближение их языковых параметров, взаимопроникновение конструктивных черт, характеризующихся высокой степенью подобия, – это проявления конвергенции (см., напр., Супрун; 1982; Функционирование русского языка, 1981);

– контакт между близкородственными языками увеличивает структурную близость, общность синтаксиса, морфологии, фонологии и фонетики (Ильяшенко, 1970, Журавлев, 2004 и др.), а именно: с одной стороны, близкое генетическое родство языков проявляется в том, что близкородственные языки характеризуются значительной общностью лексического состава, сходством словообразовательных средств и общностью способов словообразования; единством грамматических категорий и синтаксических конструкций; с другой стороны, на фоне сходства языковых характеристик общего плана наблюдаются многочисленные частные различия;

– существенным является фактор типологического сходства / различия языков, который в данном случае может рассматриваться в совокупности с фактором их генетической близости; сходство в грамматическом строе облегчает переход с языка на язык (см., например, Крысин, 2000);

– в результате взаимодействия близкородственных языков появляются «прямые, непосредственные двусторонние заимствования, а главное – возникает фактор творческого возбуждения и активизации собственных внутренних возможностей в одном из языков под воздействием другого» (Ижакевич, 1985, 30);

– в основе такого характера контактирования лежат по преимуществу психологические причины: при владении близкородственными языками говорящие меньше осознают их различия, чем при владении языками, более далекими друг от друга в генетическом отношении (Крысин, 2000).

Исследование проблем взаимодействия родного языка с генетически родственными языками является актуальным для современной лингвистики; многие же вопросы речевого общения ждут своего решения. Цель нашей статьи – определить некоторые особенности речевой коммуникации на родном языке в ситуации взаимодействия с близкородственными языками. Наиболее распространенная коммуникативная стратегия – употребление слов, оборотов из языков окружения. В связи с этим в работе ставится конкретная задача: рассмотреть специфику речевой коммуникации на русском языке (как родном) в г. Вильнюсе, которая связана с функционированием региональных инноваций. Появление подобных инноваций может быть обусловлено не только литовским, но и влиянием польского и белорусского языков.

Рассматриваемые в работе региональные языковые явления обозначаются общим понятием – “инновации” (ср. другие термины, используемые в лингвистике: заимствования, вкрапления, варваризмы, экзотизмы и др.). Распространенное определение лингвистического термина “инновация” – “новое, более позднее явление в языке” (Большой толковый словарь, 1998, 393).

Региональные инновации в русском языке, обусловленные польско- белорусским взаимодействием (на материале г. Вильнюса)

Влияние польского и белорусского языков, преимущественно на русское просторечие Вильнюса, проявляется на всех языковых уровнях. Выделим некоторые яркие черты.

Польские и белорусские инновации, функционирующие в речи русской диаспоры, в основном имеют эквиваленты в русском языке. Типичны тематические группы названий предметов быта, а также имена лиц, в ряду которых особо выделим наименования родства; инновации другого рода распространены менее. Например: *Сходки деревянные* (бел. *сходы*, пол. *schody* “лестница”); *Раньше фарбы натуральные были* (бел. *фарба*, пол. *farba* “краска”); *Фальбоны я буду пришивать в самом конце* (бел. *фальбона*, пол. *falbana* “оборка”); *Ах я недоля, я ж молоко на плите оставила!* (бел. *нядоля* “горе, несчастье”, пол. литер. *niedola* “злая судьба”); *К братовой зайти надо* (бел. *братова*, пол. *bratowa* “жена брата”); *У меня сегодня очень сильная задышка* (бел. *задышка*, пол. *zadzyszka* “одышка”); *Такой уж ее лёс!* (бел. *лес*, пол. *los* “судьба”) и др.

Польско-белорусские инновации представлены разными частями речи (в отличие от литуанизмов, которые являются преимущественно существительными): *Вода летняя* (бел. летні, пол. letny “теплый”); *Кастрюлю надо пошаровать сильнее* (бел. пашараваць, пол. poszarować “потереть”); *Это не трудно, марудно только* (бел. марудна, пол. marudnie “хлопотно”).

В русском просторечии Литвы происходит активизация ряда деривационных моделей, в частности, прилагательных и наречий с приставкой *за-*, имеющей словообразовательное значение “слишком”: *Хозяйка говорит, что я затихая девочка; загорячий чай, заузок пальто* и под. (бел. заціхі, загарачы, завузкі). Интенсивность образования данных дериватов связана с действием аналогичных словообразовательных типов как в белорусском, так и польском и литовском языках, например: бел. *замнога* или *заимат*, пол. словосочетание *za dużo*, лит. *perdaug* “слишком много”.

В составе синтаксических конструкций активизируются специфические словосочетания: *мало что...* (бел. мала што “неважно то, что”); *так же само, как...* (бел. так сама “точно так же”, пол. соответствие *tak samo jak*) – *Мало что он рыжий, мало что он пьяный, может, душа у него хорошая; У него двойку легко было получить, так же само, как и пятерку.*

Выделим основные мотивы включения польско-белорусских инноваций в русскую речь:

– экспрессивность, придающая речи выразительность: *Сейчас кто дома сидит, кто работает, а кто так шаруется* (бел. шараваць “тереть”, здесь – переносное значение “трется”);

– речевая экономия: проще и быстрее сказать *снить* (бел. сніць, прысніць), а не *видеть сон, сниться*;

– привычка употреблять подобные слова, что связано прежде всего с бытовыми ситуациями; например, покупая в магазине или на рынке филейную вырезку, русские нередко называют ее *полендвица* (пол. poledwica);

– значительное звуковое сходство слов в контактирующих языках, которое может приводить к их смешению и появлению: а) межъязыковых омонимов – *Зимовые сапоги* купили (бел. зімовы, пол. zimowy “зимний”); *Суп редкий* (бел. рэдкі “жидкий”); *У девочки прыщики нашлись* (бел. знайсціся “появиться”); б) межъязыковых паронимов – *Сговориться можно с ней и по-русски* (бел. згаварыцца “договориться”).

Безусловно, необходимо иметь в виду различные этнокультурные факторы, влияющие на мотивы и интенсивность использования подобных инноваций в родной (русской) речи билингвов. При сопоставлении мотивов включения инноваций из генетически родственных языков (польского, белорусского) и неблизкородственных – в частности, литовского (см. подробнее Авина 2006) определяются различия. Так, некоторые мотивы включения инноваций, характерные для литуанизмов, – необходимость обозначить новые предметы, понятия данного социокультурного пространства; зрительный образ слова, который может определять выбор заимствования, – оказываются не столь актуальными для восточнославянских инноваций. Главная же причина использования инноваций в речи – это коммуникативная целесообразность.

Для определения специфики функционирования в русской речи польско-белорусских инноваций был проведен опрос. В нем принимало участие 55 русских респондентов, преимущественно жителей Вильнюса: русисты – студенты и магистранты Вильнюсского педагогического университета, а также другие респонденты – люди со специальным средним или высшим образованием, различных профессий в возрасте от 30 до 50 лет. Для этого респондентам – носителям литературного языка – предлагался список региональных употреблений, зафиксированных в просторечии в бытовых ситуациях.

В результате опроса была определена значительная группа польско-белорусских инноваций, устойчивых в речи большинства информантов: *постить* «соблюдать пост», *кумняк* «окорок», *сговориться* «договориться», *але* «но», *редкий* «жидкий», *летний* «теплый»; слова, обозначающие родственные отношения: *швагер*, *швагерка*; производные с приставкой *за-* (*замного*, *замало*).

Отношение респондентов к подобным употреблением неоднозначно. Большинство относится к таким употреблением отрицательно, считая их фактами нелитературной речи, обусловленной недостаточным уровнем образованности говорящего. По мнению респондентов, такие слова «снижают культуру речи, делают речь ненормативной», «режут слух» и под. Некоторые же продемонстрировали терпимость к таким инновациям: «снисходительно отношусь к ним»; «эти слова раздражают, но иногда в разговорной речи допустимы»; «такие примеры распространены, простой народ так говорит». Наконец, немногочисленная группа респондентов (в основном те, в речи которых частотность исполь-

зования подобных инноваций выше) относится к таким употреблением “довольно спокойно”, “нормально”, “нейтрально” и даже приветствует употребление подобных выражений – “это оживляет речь”.

Следовательно, польские и белорусские инновации характерны не только для нелитературной речи, просторечия, но возможны и в других сферах языка. В частности, они отмечаются в устной разговорной речи людей, владеющих литературной нормой, например, в речи студентов-русистов – *Нет, я не русская, я мешаная* (бел. мяшаны “смешанный”); *Вчера снервничала, когда компьютер не включался* (словообразовательная калька из бел. знервавацца “понервничать”); в речи преподавателя-русиста в непринужденной обстановке: *Режем лимон на маленькие дольки, скибочки* (бел. скібачка, пол. skibka); в речи военного – *Мы завтра будем балевать* (бел. баляваць “пировать”). Следовательно, можно говорить об употреблении польско-белорусских инноваций и в речи носителей литературного языка, причем употреблении осознанном, например, в смешанных семьях, в бытовом общении с друзьями, соседями. Приведем, к примеру, ответ одной магистрантки: “Понимая все минусы подобных употреблений, использую данные заимствования и просторечные формы в общении с бабушкой и людьми ее поколения”.

Говоря о сферах распространения польско-белорусских вкраплений, следует иметь в виду их широкое использование в речи русских старообрядцев Литвы (Немченко, 1963; Сивицкене, 1969; Чекмонас, Морозова, 1997 и др.). Польско-белорусское влияние существенно также в языке русских пословиц (Русские пословицы Литвы, 1992): *Гультай не боится, что залежится* (бел. гультай, пол. региональное hultaj “лодырь”; ср.: пол. литер. “негодяй”); *Найлепший друг обдул вокруг* (пол. najlepszy, бел. найлепшы “самый лучший”) и др.

Некоторые особенности речевой коммуникации, обусловленные взаимодействием с близкородственными языками

Определим специфику речевой коммуникации при взаимодействии с близкородственными языками в сопоставлении с особенностями взаимодействия с генетически отдаленным языком.

1. В рассматриваемой этнокультурной ситуации данный тип языкового контактирования является территориально ограниченным. Следовательно, анализируемые польско-белорусские

региональные инновации не являются общераспространенными для русского языка в Литве (в отличие от широко распространенных литуанизмов).

2. Конкретная языковая ситуация и статус контактирующих в данном социуме языков определяют следующие особенности.

а) Русско-польско-белорусское контактирование характерно лишь для некоторых сфер функционирования русского языка (в отличие от взаимодействия с литовским языком, которое проявляется во многих сферах использования русского языка). Русско-польско-белорусское взаимодействие наиболее интенсивно в просторечии, а также в разговорной речи, но не в письменном литературном языке (по сравнению с литуанизмами).

б) Функционирование польско-белорусских инноваций ограничивается (в отличие от литуанизмов) преимущественно сферой бытового общения. Это находит отражение и в составе тематических групп лексических инноваций, обычно не включающих названий социально значимых реалий.

3. Рассматриваемая этнокультурная ситуация характеризуется полилингвизмом. Русско-литовско-польско-белорусское взаимодействие является сложным (см., например, Gaŗšva, 1989; Плыгаўка, 2001). В связи с этим трактовка многих языковых явлений не может быть однозначной.

а) Целый ряд явлений может быть фактом нескольких контактирующих языков, например, пол. *matula*, бел. *матуля*, лит. *motulė* “матушка”: *Моя матуля – лучшая подружка*; пол. *kamizelka*, бел. *камізэлька* “жилет”: *У нее платье с камизелькой*; пол. *stoik*, бел. *слоік* “стеклянная банка”: *Дай мне слоик поменьше*.

В связи со сложностью подобных явлений для их дифференциации необходимы специальные этимологические исследования, не входящие в круг задач данной работы. Отмечая наличие языкового явления в польском или белорусском языках, а также в местном диалекте, и основываясь на данных словарей (*Słownik języka polskiego*, 1996; *Nowy słownik poprawnej polszczyzny*, 2002; *Глумачальны слоўнік беларускай мовы, 1977-1984* и др.), мы определяем соответствующие факты как “польско-белорусские инновации”. Заметим, что в работах, посвященных региональным особенностям других языков, контактирующих в Литве, например, польского, подобные русско-белорусские явления ввиду сложности их дифференциации определяются как *wpływy wschodniosłowiańskie* – восточнославянское влияние (например, Masoić, 2001).

б) Неоднозначно влияние каждого из этих языков, в частности, польского: как регионального варианта кодифицированного языка; как регионального польского – некодифицированного, функционирующего в устной речи и просторечии; как местного говора (так называемый “тутейший язык”). При этом и первый, и второй, и третий вариант, оказывающие влияние на речь русских, в значительной степени насыщены белорусизмами (см. об этом подробнее Masoić, 2001). Ряд польско-белорусских вкраплений является стилистически сниженным также в языках-источниках: *Машину вдребезги расхаратал* (пол. rozharatac “разбить”).

4) Рассматриваемые явления, обозначаемые как интерференционные, в ряде случаев могут быть распространены и в общерусском просторечии или в диалектах. Как известно, граница между просторечными и диалектными единицами условна (например, Капанадзе 1984). Некоторые инновации, функционирующие в русском просторечии Литвы, – это общерусские диалектно-просторечные явления (см., например, Даль, 1999, Словарь русских народных говоров 1965-1970). При этом некоторые слова являются общими и для русских старожильческих говоров Прибалтики (Немченко, Сеница, Мурникова, 1963), а ряд примеров зафиксирован также в русском просторечии Латвии – в Даугавпилсе (Королева, 2000): *братова, жебрак, клямка, спасибовать, где-нигде*, словосочетание *так само*; производные с приставкой *за-*: *зажарко, замало, засладко, зарано* и др.

Нам представляется, что в русском просторечии Литвы подобные общерусские диалектно-просторечные явления активизируются и проявляют особую устойчивость именно благодаря взаимодействию с контактирующими языками. Этим же фактором определяется нередко толерантное, несмотря на нарушение литературной нормы русского языка, отношение к подобным инновациям в речевой коммуникации, о чем свидетельствуют ответы наших респондентов.

Заключение

Специфика речевой коммуникации в конкретной ситуации этнокультурного взаимодействия, бесспорно, обусловлена рядом факторов: территориальными и демографическими особенностями данного социума; социальной дифференциацией говорящих; различной коммуникативной компетенцией; индивидуальными и многими другими особенностями. Между тем выявляются не-

которые типические черты, характерные для речевой коммуникации билингов в ситуации языкового контактирования

С одной стороны, наш материал подтверждает устойчивость и глубину процессов интерференции, что характерно для речевой коммуникации при контактировании близкородственных языков. С другой стороны, выявляются региональные особенности данного взаимодействия, которые обусловлены соответствующей этнокультурной ситуацией. Так, рассмотренные региональные инновации в русском языке в г. Вильнюсе, обусловленные польско-белорусским влиянием, могут быть связаны и с общерусским просторечием, диалектами.

В нашей работе затрагивается лишь один из многочисленных аспектов изучения речевой коммуникации в ситуации языкового контактирования - лингвистический. Комплексный же подход к подобному исследованию, связанный с проблемами теории коммуникации, межкультурного общения, коммуникативного поведения, языкового сознания говорящих, позволит сделать более глубокие и основательные выводы.

ЛИТЕРАТУРА

- Авина Н. Ю., 2006, *Родной язык в иноязычном окружении*. Москва-Вильнюс.
- Большой энциклопедический словарь. *Языкознание*, 1998, Глав. ред. В. Н. Ярцева. Москва.
- Борисенко Н. А., 1990, *Лексико-семантическая интерференция в русской речи на Украине (лингвистический и социолингвистический аспекты)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Киев.
- Даль В. И., 1999, *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1-4. Москва.
- Журавлев В. К., 2004, *Внешние и внутренние факторы языковой эволюции*. Москва.
- Ижакевич Г. И., 1985, *Русская речь в украинском языковом окружении // Культура русской речи в условиях национально-русского двуязычия*. Москва. С. 30-42.
- Ильяшенко Т. П., 1970, *Языковые контакты (на материале славяно-молдавских отношений)*. Москва.
- Капанадзе Л. А., 1984, *Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие. Проблемы изучения*. Москва. С. 5-12.
- Кононенко В. И., 1990, *Вариативность синтаксической нормы в условиях близкородственного двуязычия // Грамматическая интерференция в условиях близкородственного двуязычия*. Москва. С. 127-138.

- Королева Е. Е., 2000, Диалектные черты городского просторечия Даугавпилса // Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. III. Язык диаспоры: проблемы и перспективы. Тарту. С. 54-64.
- Крысин Л. П., 2000, О некоторых особенностях двуязычия при близком родстве контактирующих языков // Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М., С. 153-161.
- Леонтьев А. Н., 1977, Деятельность. Сознание. Личность. М.,.
- Лукашанец А. А., 1990, Особенности грамматической интерференции в условиях близкородственного двуязычия // Грамматическая интерференция в условиях близкородственного двуязычия. М., С. 120-127.
- Немченко В. Н., 1963, Русские старожилы Литвы и их говоры // Языкознание. Т. VII. Вильнюс.
- Немченко В. Н., Синица А. И., Мурникова Г. Ф., 1963, Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Рига.
- Плыгаўка Л. Беларуска-літоўскія рэгіянальныя кантакты ў сістэме інтэрферэнтных з'яў полікультурнай зоны. Мінск, 2001.
- Русские пословицы Литвы, 1992, (Изд. подготовили Ю. А. Новиков и Т. С. Шадрина). Вильнюс.
- Русский язык в Белоруссии, 1985, Минск.
- Сивицкене М. К., 1969, Некоторые вопросы изучения лексических заимствований в русских говорах Литвы // Вопросы теории и истории языка. Ленинград.
- Словарь русских народных говоров, 1965-1970, М.
- Супрун А. Е., 1982, В условиях близкородственного двуязычия // Русский язык в национальной школе, №2. М.
- Глумачальны слоўнік беларускай мовы, 1977-1984, Т. 1-5. Мінск.
- Функционирование русского языка в родственном окружении, 1981, Минск.
- Чекмонас В., Морозова Н., 1997, Проблемы языковой интеграции староверов в литовское общество // Русские Прибалтики: механизмы культурной интеграции (до 1940 года) / Сост. Т. Ясинская. Вильнюс. С. 102-117.
- Языковые ситуации и взаимодействие языков, 1989, Киев.
- Garšva K., 1989, Kalbinės situacijos raida pakraščiu šnektose // Lietuvių kalbotyros klausimai (28). Kalbų ryšiai ir sąveikos. Vilnius. P. 12-39.
- Masojć I., 2001, Regionalne cechy systemu gramatycznego współczesnej polszczyzny kulturalnej na Wileńszczyźnie. Warszawa.
- Nowy słownik poprawnej polszczyzny, 2002, Pod red. A. Markowskiego. PWN, Warszawa.
- Słownik języka polskiego, 1996. Pod red. M. Szymczaka. T 1-3. PWN. Warszawa.

Speech Communication upon Contracting of Sister Languages: The Linguistic Aspect Summary

Speech activity is a specific one in the situation of interaction with sister languages. The object of the article is to determine the specific character of the Russian language stipulated by interaction with sister languages. In this connection, the concrete goal is to determine peculiarities of the Russian language as a native one stipulated by Polish-Belorussian influence upon situation of lingual contacting in Vilnius. Facts of interference are analyzed in the systematic-structural and communicative-functional perspectives. The paper studies some widespread features of the Russian-Polish-Belorussian interaction mainly outlined in the spoken language as well as causes for usage of innovations and peculiarities of functioning thereof in the native language of Russians.

Our material confirms stability and deepness of interference processes on the one hand, that is typical for contacting of sister languages. On the other hand, regional peculiarities of the interaction are found out which are stipulated by the specific ethnocultural situation.

Key words: *speech communication, interaction of sister languages, interference.*